

Доклад 4. Философские основания русской идеи

Сергей Николаевич Кочеров

Доктор философских наук, доцент, профессор департамента общественных наук НИУ ВШЭ, профессор кафедры философии и общественных наук Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина.

Одна из основных трудностей понимания русской идеи, которая порождает столько дискуссий, заключается в самой многозначности этого понятия. Русскую идею можно воспринимать как художественный образ, как религиозную доктрину, как историческую миссию, как геополитическое задание, как социальный миф, культурный идеал. Такое многообразие точек зрения позволяет подходить к русской идее с разных позиций с учетом того, что Россия, которую выражает русская идея, это объект неисчерпаемый по содержанию. В ней каждый может найти то, что представляет наибольший интерес, что бросается в глаза, что дорого или, наоборот, вызывает антипатию. Поэтому возникает обоснованная претензия в отношении того, что русская идея должна доказать мощност своего существования именно как философское понятие. Причем здесь следует подойти к этому понятию именно с позиции самой философии, философии как науки.

Прежде всего, следует уточнить онтологическое основание русской идеи. Для этого следует определиться, какой из существующих онтологических концепций соответствует специфика данной идеи.

Русская идея не отражает ни русскую природу, ни российское общество, взятые в их материальном воплощении. В русской идее трудно усмотреть некую сверхчуждую и не зависящую от сознания реальность. Хотя Владимир Соловьев полагал, что в идее нации есть не то, что нация думает о себе во времени, а то, что Бог думает о ней вечность. Следует быть сторонником поиска русской идеи, исходя из того, что нация думает о себе во времени.

Русская идея представляет собой выражение духовной реальности. Она рождена сознанием, как выдающихся мыслителей, которые предложили свои варианты русской идеи, так и сознанием народа, который ли-

бо принимает ту или иную версию русской идеи, либо отвергает ее, как себе чуждую. При таком подходе русская идея должна исследоваться в рамках не объективной, а субъективной онтологии, которая изучает не предметы и явления, их процессы, а процесс сущностей и смысла, представленных в индивидуальном общественном сознании. Область этих сущностей и смыслов и представляет реальность, известную как русский мир. Под русским миром имеется в виду не этническая и языковая общность, не геополитическое образование, а именно духовное единство людей, обладающих общими целями, смыслами и ценностями.

К России, существующей в реальности, русский мир относится как идеал к действительности, как должное к сущему. Русская идея представляет собой выражение русского мира именно в таком его понимании – как духовной реальности, причем очень важное его выражение, потому что русского мира без русской идеи быть просто не может. Здесь и следует искать ответ тем критикам русской идеи, которые отрицают ее философский статус под тем предлогом, что она не есть предмет изучения теоретической философии, которая якобы стремится к познанию универсальной истины, свободной от культурно-исторических определений. Задумаемся над тем, к чему приводит эта защита так называемой чистой философии. Она придет к тем же последствиям, к каким привела позитивистов защиты чистой науки. При таком подходе философии придется отказаться не только от русской идеи, но и от других идей, представляющих вечные философские проблемы. Например, от идеи блага, свободы, справедливости, счастья, ибо как только мы начинаем избегать при их анализе всяких культурно-исторических определений и подгонять под универсальные истины, эти идеи быстро превращаются в тощие, сухие абстракции. Причем не исключается, что при таком подходе нашему чистому разуму придется отказаться и от самого понятия истины. Истина в социально-гуманитарных науках не может быть не связана с историей культуры. В свете культурно-исторической определенности русская идея заслуживает не меньше внимания философии, чем идеи других социокультурных миров. Например, американская мечта, китайский путь и так далее.

Перейдем теперь к эпистемологическому основанию русской идеи. Русская идея представляет не только формы идеального бытия в России, но и формы ее познания и даже присущие ей способы флексии. Эта форма познания, заключенная в русской идее, нуждается в уточнении, поскольку русскую идею часто воспринимают не как одну, а как целый комплекс идей. Если обратиться к Бердяеву, то в его книге «Русская идея» можно найти целую мозаику того, что он препод-

носит читателю как русскую идею. Это и любовь, и отмена смертной казни, и приобретение Святого Духа, и справедливость. То есть очень много определений, которые представляют собой некую сумму самых разных идей. Здесь также можно сослаться на труды многих авторов, каждый из которых отстаивает свое понимание русской идеи. Для кого-то это свойство нашего национального характера, для кого-то это ментальная особенность русского народа, для кого-то национальный идеал, для кого-то это форма русской культуры, цель исторического развития и так далее.

Выход из этого умственного лабиринта представляется в том, чтобы на время отказаться от увлеченности русскостью этой идеи и вспомнить о том, что она прежде всего идея. Идеи, в отличие от понятий, не столько характеризуют настоящее состояние объекта, сколько представляют это состояние как преходящий этап его развития. В отличие от понятий, которые отражают сущность объекта, идея выявляет перспективы, которые пока еще в этом объекте скрыты, содержит проекцию возможного будущего и задает критерий для оценки степени воплощения этого будущего на практике. Именно поэтому идеи в отличие от понятий обладают действенной силой и преобразуют мир. Таково свойство всех идей, и узкая идея здесь не является исключением.

Перейдем теперь к философско-историческим основаниям русской идеи. Выражая собой не только сущность, но и цель, и смысл русского мира, русская идея задает идеальную цель, к которой стремится Россия в своей истории. Вопрос о том, имеет ли история цель и смысл, является спорным. Причем сами профессиональные историки, как правило, дают на него негативный ответ. Поэтому данный аспект изучения русской идеи обычно называют не философско-историческим, а историософским, давая понять, что, вставая на этот путь, исследователь выходит за рамки научной традиции и начинает заниматься субъективным мудрствованием. Однако философы не всегда должны потакать историкам, иначе бы не было смысла в такой дисциплине, как философия истории. Было бы весьма самонадеянно заявлять об открытии целей и смысла истории России в целом. Вместе с тем русская идея не может проявить себя иначе, как представая в символах, концептах, доктринах, которые были выработаны в процессе исторического, культурного развития российского общества. Наиболее известный из этих символов или доктрин – это Новый Иерусалим, видение которого открывается еще в условии закона о благодати Лариона, а впоследствии находит воплощение в таком впечатляющем образе, как Святая Русь. Это учение о Москве как о третьем Риме, а точнее, о Московской Руси как о

третьем Риме. Сюда можно отнести и русский панславизм XIX века, и даже советский коммунизм, который был очень сильно русифицирован, что и помогло марксизму, рожденному на Западе, стать родным и близким для многих советских людей, поскольку в его воплощении российской действительности они увидели выражение тех надежд и чаяний, которые вдохновляли еще их предков. Именно такие идеи, учения, доктрины становились теми идеологемами, которые несли в себе смыслы и ценности, характерные для определенного периода или целой эпохи отечественной истории.

Как относятся эти идеологемы к русской идее? Как частное к общему. Поэтому, изучая идеологемы, рассматривая присущие им цели, смыслы, ценности, мы можем сделать вывод в отношении того, что представляет собой русская идея. На вопрос, что есть русская идея сегодня, ответ должны давать не философы, не историки, не культурологи, не политологи, а мыслители, обладающие даром пророка в своем Отечестве. Русскую идею невозможно вычислить, невозможно придумать, ее надо пережить всем своим сердцем. Для этого необходимо чувствовать биение народной жизни, дух времени. Это очень сложная задача, выходящая за рамки научного исследования. Дело философов, анализирующих русскую идею, заключается не в том, чтобы угадать, что она есть сегодня, а в том, чтобы дать анализ того, чем она может быть и чем она быть не может. Здесь критическая функция важнее почвы.

Невозможно обойти вопрос об исторической миссии России в современном мире, поскольку этот вопрос даже входит в содержание русской идеи. Что же за миссия выпала России в настоящее время, которую она на себя возложила и отчасти уже выполняет. Ответ на этот вопрос даст только будущее, причем не самое отдаленное. С одной стороны, сложившаяся геополитическая конфигурация как будто возвращает нашей стране привычную в XX веке роль «служить лидером в общем мировом движении сопротивления общемировой современной агрессии Запада». С другой стороны, в это переломное для мира и России время особенно важно понять, не только против кого мы боремся, но и за что мы боремся. Только таким образом мы можем объединиться в этой борьбе и привлечь на свою сторону всех возможных союзников. По всей видимости, речь идет не просто о создании новой системы международных отношений, в которой с интересами России считались бы в большей степени, чем в настоящее время. Речь скорее идет о построении такого миропорядка, который исключает возможность как гегемонии одной из мировых держав, так и неполярного устройства мира, основанного на двух враждующих блоках.

Организация мирового сообщества на принципах справедливости и солидарности без деления стран и народов на избранных и заурядных, думаю, могла бы стать целью достойной России в мире. Так, Чаадаев, начавший с отрицания позитивной роли России в мировой истории, впоследствии заявлял, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимает человечество. Бердяев, несмотря на неприятие коммунизма, утверждал, что миссия русского народа осознается как осуществление социальной правды в человеческом обществе, не только в России, но и во всем мире. Отвечая на вопрос о возможной исторической миссии России в настоящее время, следует, так или иначе, согласиться с другой мыслью Бердяева о том, что патриотизм великого народа должен быть верой в великую мировую миссию этого народа, иначе это будет национализм провинциальный, замкнутый и лишенный мировых перспектив. Величие народа проявляется в великой цели, которую он избирает для себя, которой он служит в интересах всего человечества.

Наконец, необходимо указать на аксиологическое основание русской идеи. Русский мир – это духовное единство людей, обладающих общими целями, смыслами и ценностями. Поэтому и выражающая его идея должна нести в себе ценности, которые отличают его от других социокультурных миров. При этом было бы неверно утверждать, что каждый из этих миров обладает своими совершенно уникальными ценностями. Их отличие проявляется скорее в неповторимой конфигурации основных ценностей, в нюансах смыслов, которые вкладываются в эти ценности. Например, индивидуальную свободу высоко ценят и русские, и американцы, но наделяют ее разным содержанием.

Какие же ценности специфичны именно для русского мира и для русской идеи? В последнее время стало модно говорить о традиционных российских ценностях, к которым относят жизнь, достоинства, права и свободу человека, патриотизм, гражданство, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, справедливость и многое другое. При анализе указанных ценностей, с одной стороны, нельзя не согласиться, что все они освящены традициями и важны как для человека, так и для общества в целом. С другой стороны, в них сложно найти исключительно российскую специфику. Особый скепсис вызывает тезис о превосходстве духа над материей в качестве нашей традиционной ценности. Как известно, презрение к богатству – это уловка богатых, чтобы держать бедных в их нищете. Даже большевики, будучи людьми идеи, проявляли большую мудрость по этому вопросу, иначе бы

не предложили свой идеал как сочетание братской общины с всеобщим изобилием. Было бы заблуждением думать, что чем больше заявлено ценностей, тем прочнее мировоззренческий базис.

Опыт успешных идеологий в истории показывает, что в их основе лежит немного ценностей, как правило, не более трех. Так, христианское мировоззрение, согласно апостолу Павлу, основано на таких ценностях, как вера, надежда, любовь. Томас Джефферсон в декларации независимости США выразил суть того, что позднее назовут «американской мечтой» – признанием за всеми людьми права на жизнь, свободу и стремление к счастью. Либеральная идеология получила широкое признание в мире после постулирования ценностей свободы, равенства и братства, провозглашенных Великой Французской революцией. При анализе этих трио ценностей заслуживает внимания то, что они выбраны не рандомным способом, а находятся в системном единстве друг с другом и выражают характер того или иного мировоззрения в целом.

Есть ли такие ценности, значимые для российской культуры, для русского мира? Такие ценности есть, причем именно триада ценностей. Выбирая из ценностей русского мира, следует отдать предпочтение таким ценностям, как правда, соборность и спасение. Именно эти ценности заслуживают такого внимания, потому что правда – это основополагающая ценность русского мира, соборность – это интегративная ценность, а спасение – это целеполагающая ценность нашей культуры. Вальтер Шуберт, оставивший труд, посвященный русской идее, прямо заявлял, что русская идея есть спасение человечества русским. Данные ценности предполагают и дополняют друг друга. Ибо убедиться в обретении всеобщей правды можно лишь тогда, когда эту правду добровольно принимают все. Ничто не способствует соборному единству так, как стремление спастись от великой угрозы. При таком понимании с такой точки зрения становится понятной важность неустанного поиска правды. Причем правды не локальной, не местной, не национальной, а правды универсальной, человеческой.

Не случайно Вячеслав Иванов, русский философ и поэт, первый из русских философов заговоривший о русском мире, полагал, что этот мир должен объединить тех, кто живет по правилам вселенской правды, твоей правды. Если ты хочешь сохранить свою душу, не бойся ее потерять. Это объясняет присущее русской культуре как более или менее явное чувство предчувствия беды, так и надежду на то, что, когда мы сообщаем за правое дело, ни один враг не сможет нас одолеть. Вот почему, не отрицая других значимых ценностей русской культуры, именно триаду правды, соборности и спасения стоит принимать за ценностную основу русской идеи.

Выше был предложен ряд философских обоснований правомерности существования русской идеи, понятия, заслуживающего внимания философии. Другое дело, что надо понимать, какой раздел философии должен фокусироваться на исследовании таких понятий. Таким разделом философии должна стать философия идеи. Интересно, что идеология в первоначальном своем значении как раз и заключалась в том, чтобы стать наукой об идее, но затем идеология получила совершенно другой смысл. Но именно понимание специфики идеи не как разновидности понятий, а как понятий, содержащих некое целеуказание, долженствование понятий, которые призывают человека или общество в целом к свершениям, именно такое понимание идеи при признании важности их существования в нашем мире является еще одним основанием, почему русская идея должна изучаться философами. Пускай здесь главные функции философии критические, тем не менее философия должна сказать по этому поводу свое веское слово и ни в коем случае не отдавать русскую идею на откуп другим наукам и тем более не объявлять ее проявлением какого-то религиозного или художественного мировоззрения. В этом смысле русская философия, российская философия должна следовать традициям своих великих предшественников и посвящать русской идее значительную толику своего внимания и разрабатывать эту традицию дальше.

Вопросы:

1. Какая философская концепция будет доминировать в России к 2045 году?

Это сложно сказать. Есть хорошее высказывание: «Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горесть настоящего торжествует над философией». Поэтому неизвестно, какие горести будут воздействовать на философию в 2040-х годах. Можно лишь выразить надежду, что наша отечественная философия будет больше внимания уделять социально-историческим и гуманитарным исследованиям. Все-таки душа России в философском выражении наиболее обращена к этим темам.

2. Каково будет пространственное влияние русской философии в 2045 году?

Это зависит от русской философии и от мировой философии тоже. Нет удовлетворения от состояния как русской, так и мировой философии. Престиж философии значительно упал за последние десятилетия. Связано это с тем, что философы не говорят на те темы, которые интересны людям. Русская идея – это одна из таких тем, которая дей-

ствительно интересна людям, им нужно просто объяснять, что мы под ней имеем в виду. Если философия не соберется с силами, если она не будет поднимать тем, важных для широких слоев общества, не только для просвещенных интеллектуалов, но и связанных с жизнью, живущих реальной жизнью людей. Тогда философия может превратиться в некую науку, существующую для себя и по большому счету ненужную другим. Внимание к философии падает не только со стороны общества, но и со стороны государства. Философия должна сделать усилие, должна из кабинетов вернуться в реальную жизнь.

3. Кто носитель русской идеи?

В широком смысле носителем русской идеи является народ. Но наиболее яркое воплощение русской идеи находят в событиях нашей истории, в явлениях нашей культуры или в явлениях личности, которые в силу каких-то определенных причин чаще интуитивно, но порой и сознательно выражают то, что соответствует духу времени, то, что объединяет людей и понимает их высокие дела. Не в силе Бог, а в правде. Александр Невский в тот момент был выразителем русской идеи. Но это относится не только к таким историческим деятелям. Это проявляется и в людях духа, наших писателях. Например, Гоголь с идеей птицы-тройки. Это то счастливое стечение обстоятельств, при котором идеал изредка воплощается в действительность. Тот, кто это делает, оказывается носителем русской идеи.

4. Философия – это наука или это нечто больше похожее на поэзию, как говорил Хайдеггер?

Здесь есть противоречие, ведь философия может быть разной. Так, философия Платона является поэтической, художественной и образной. Платон говорит притчами, мифами, которые по большому счету ничего не доказывают. В то же время философия Аристотеля больше похожа на научную. Поэтому философия может быть разной, она может быть близка поэзии, а может быть близка точной науке. И это замечательно, что философия может быть разной, она не является гладко обструганной, зашоренной. Главное, чтобы она не сводилась к чему-то одному.

5. Когда мы говорим о русской идее, наилучшим языком для разговора о ней является язык науки или же язык поэзии?

О возвышенных вещах, идеалах поэзия говорит более ярким, физическим языком. В этом смысле наука ей проигрывает. Но дело науки, а в данном случае философии, заключается не в том, чтобы превзойти

поэзию по части художественности. Используя свои средства, показать глубину этого понятия. И здесь язык, хотя тоже очень важен, он все-таки вторичен по сравнению с уровнем мышления. То есть образность мышления вторична по сравнению с его глубиной.

6. Пять онтологических доводов

Они были уже изложены. Русская идея, рожденная сознанием и духом, относится к идеальной реальности. Соответственно, изучать ее должна субъективная онтология. Потому что мы забываем, что помимо объективной действительности, материального мира существует еще и духовно-реальный. Он тоже является одним из видов бытия. В этом отношении русская идея, безусловно, имеет свою онтологию. Другое важное замечание – это понимание того, что мы имеем дело именно с идеей, а идеи – это специфические духовные образования, отличные от научных понятий, политических образов и так далее. У них есть свое направление, своя вдохновляющая сила. Как раз философия и есть та наука, которая творит и порождает идеи. То есть задача философа и главное отличие философа от преподавателя философии заключается в том, что философ порождает идеи. Это тоже очень важно для онтологии русской идеи, потому что специфику идей надо понимать, понимать отличие идеи от понятий, от ценностей. Третье основание – это когда мы говорим об идеях, причем не только о русской идее, следует понимать, что здесь невозможно обойтись без исторических и культурных определений. Все идеи рождаются в определенное время, и даже если идея переживает время своего рождения, она обрастает новыми смыслами и нюансами. Поэтому онтология всех идей коренится в истории культуры. Поэтому невозможно заниматься онтологией русской идеи, не исследуя историю, культуру нашего народа, России в целом.

7. Могли бы Вы соотнести по онтологическому статусу русскую идею, американскую мечту, китайский путь и др.?

У них один и тот же онтологический статус. Это идеи, претендующие на выражение духовной сущности своих миров. Здесь забыта еще одна интересная идея, взятая их истории. Откуда вообще возникли понятия «американский мир», «русский мир»? Это явно сделано под воздействием понятия «римский мир». Вячеслав Иванов соотносит идею русского мира с идеей римского мира. Если идея римского мира – это идея Порядка, то идея русского мира – это идея Права. Так, американец скажет, что идея американского мира – это идея Свободы. Понятия этих идей одноуровневые.

Доклад 5.

Мир как субъект русской цивилизации

Евгений Андреевич Балакин

Поэт, режиссер, член Евразийского союза молодежи.

Сама идея объединить людей с разными профессиями (не все здесь философы, допустим, я нет), людей с разными взглядами, потому что в философии множество школ, множество точек входа в философию, сама идея их объединить и попробовать на основе их мыслей вывести некоторый синтез, прийти к некоторому единому знаменателю – идея очень благородная, похвальная, масштабная и идея почти нереализуемая. Вот почему мы находимся в таких условиях – ведь я хочу подчеркнуть, что, если бы собрались представители другой культуры, другой цивилизации, вероятно, они смогли бы прийти к консенсусу. Но, как говорится, «два русских – три мнения». Это не значит, что мы никогда не приходим к консенсусу. Но это значит, что консенсус для нас сложен и имеет некоторые специфические условия. Почему так? Вот на этот вопрос я хотел бы ответить или попытаться ответить в своем выступлении.

Тема, которую я избрал, говоря об онтологии, о русской онтологии, – «Мир как субъект русской цивилизации». И мы попробуем пошагово рассмотреть все заявленные здесь понятия. Ну с понятием «субъект», думаю, вопросов нет, оно самое распространенное. Субъект – тот, кто действует, кто движет, некоторая движущая сила, волевое начало. С волевым началом у русских все в порядке, если мы посмотрим на нашу историю, на нашу культуру, на наши границы в конце концов, на смелость решений, которые мы предлагали. С субъектностью у русских либо все в порядке, либо проблемы не такие критичные, как у остальных: многие народы сошли со сцены за тысячу лет, пока мы стоим и процветаем. Вместе с тем хотелось бы остановиться на понятии «цивилизация». Вот когда мы пытаемся описать Россию, мы сталкиваемся со сложнейшей задачей, нам требуется ка-